

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 316.48

А. В. Алейников, И. Д. Осипов, А. Г. Пинкевич

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОНФЛИКТОВ ВЛАСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В статье раскрывается российская специфика конфликтов между бизнесом и властью. Для анализа указанной проблематики используются различные подходы, что позволяет по-новому описать развитие отечественного бизнеса. Специфика взаимоотношений власти и бизнеса рассматривается, в частности, с точки зрения исторических условий формирования бизнеса в России. Анализируя историю российского бизнеса, авторы демонстрируют его стремление к уклонению от конфликтов с существующими политическими институтами, традициями и силами. В статье утверждается, что в основе отношений власти и бизнеса в России лежит стремление власти организовывать экономику и институциональный дизайн бизнеса в своих интересах. Слабость и деформированность формальных институтов управления и разрешения конфликтов компенсируется неформальными олигархическими сетями. Эти сети перехватывают часть функций государства по выработке и соблюдению формальных институциональных правил взаимоотношений между бизнесом и властью, разрушая тем самым слабые демократические институты. Библиогр. 42 назв.

Ключевые слова: конфликты, бизнес и власть, управление конфликтами, государство, политические стратегии.

A. V. Aleinikov, I. D. Osipov, A. G. Pinkevich

SOCIOCULTURAL MECHANISMS OF POWER AND BUSINESS CONFLICTS REPRODUCTION IN RUSSIA

The purpose of this paper is to reveal specifics of conflict interaction between business and power in Russia as a transitional society and to analyze features of the institutional environment of this conflict. Another purpose of the paper is to analyze several concepts of the conflict studies for their usefulness

---

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; av-aleynikov@yandex.ru

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; idosipov@mail.ru

Пинкевич Анна Георгиевна — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; pinkevich.a@yandex.ru

Aleinikov Andrey V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; av-aleynikov@yandex.ru

Osipov Igor D. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; idosipov@mail.ru

Pinkevich Anna G. — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; pinkevich.a@yandex.ru

in examination of the relationship between business and authorities in post-Soviet Russia. This allows one to solve analytical problem of conflict analysis in Russia and to describe the content of the new business development in Russia. Power resource is an important factor in the relations between business and authority in a transitional society. The existence of a power resource still has a serious impact on the resolution of disputes between the economic agents. The behavior of two subjects of the conflict of business and the authorities is dictated only by their own interests. Ties of the business and authority in Russia cause social distrust and negative attitude to both institutes. The paper shows new multidisciplinary approach to the study of political and business conflicts. Conflict analysis in the paper is combined with empirical data to show the real situation in Russia in the interaction between business and authorities. Refs 42.

Keywords: conflicts, business and authority, conflict management, state, political strategies.

Едва ли не ключевыми в политическом лексиконе ряда лидеров современной России являются утверждения о ее особом историческом пути и самобытности. Эта позиция удобна, но отсылка к ней не способствует осмыслению российских социально-политических реалий. В политической и социологической науках сегодня стоит вопрос о том, каким может (или не может) быть реформирование России, насколько она готова к нему. Например, Макс Вебер в свое время полагал, что Россия «не может найти такую формулу “реформы”, которая имела бы местные “исторические” корни и была бы при этом жизнеспособной» [1, с. 14].

Процессы российских трансформаций многоплановы и представляют собой конфликт, развивающийся «на нескольких фронтах» [2, с. 101]. При этом русская история обладает константой социального бытия: Россия не решает свои ключевые конфликты, а изживает их.

В вопросе разрешения конфликтов российскую политику издавна преследуют два искушения — обмануть историю, избрав стратегию сознательного уклонения от управления ими, или же, напротив, свести политический процесс к силовому навязыванию своей воли. Оба подхода направлены на перераспределение существующих материальных и властных ресурсов.

Можно ли во множестве явлений, фактов российской истории выявить общие тенденции, единые законы, которым подчиняется исследуемая политическая реальность? Для этого необходимо выявить и сравнить позиции, ценности, цели, проблемы, интересы и потребности конфликтующих сторон, что и составляет суть современного конфликтологического анализа.

Предлагаемый в статье ракурс рассмотрения российских трансформаций, которые анализируются с точки зрения конфликта трех сил — общества, бизнеса и власти, позволяет интерпретировать их через исследование деятельности реальных социально-политических субъектов, руководствующихся своими интересами и ценностями, зависящих в своих действиях от конкретных внешних и внутренних вызовов, определенных политико-экономических и социокультурных условий.

Уже давно авторов беспокоит асимметрия между обостренным вниманием современного российского общества к всевозможным явлениям, связанным с невероятным социальным расслоением в России, и почти полным отсутствием интереса к феномену обретения властью легитимности в качестве проводника некоммунистических ценностей рынка.

В настоящей статье мы попытаемся пролить свет на некоторые аспекты этой темы. В основном нас будет интересовать не столько доказательство существования

конфликтов между властью и бизнесом, сколько описание форм их протекания, механизмов и социальных последствий их разрешения. В то же время нам предстоит классифицировать эти конфликты, отталкиваясь от их форм, приобретаемых под влиянием различий в траекториях «обусловленного развития» (*path dependence*) и особенностей выбора политического курса, который был сделан наиболее сильными политическими акторами России. Необходимо ответить на несколько основных вопросов: чем определяется институциональное развитие конфликтов российского бизнеса и государства; каковы стратегии поведения бизнеса в конфликте с государством в условиях особой институциональной среды России?

В решающей степени происхождение и характер непрекращающихся конфликтов в российском треугольнике «бизнес — власть — общество» определяются следующим обстоятельством. Ценности капитализма Макса Вебера в России имеют другую окраску и в глазах населения предстают как благополучная и удобная жизнь. Они принимаются только тогда, когда такая жизнь достается в готовом виде, не изменяя ни самого социального субъекта, ни его привычного образа жизни.

Мы выдвигаем тезис об отсутствии у бизнеса в постсоветской России гражданской и политической субъектности, о его социальной инертности, уповании на власть для легитимации тех или иных вариантов управления конфликтами. Механизмы регуляции конфликтов, которые использует российская власть, с одной стороны, облегчают реализацию ее текущих интересов, с другой же — усиливают неспособность сторон найти выход из конфликта. При этом преобладает тяга к силовому, репрессивному стилю разрешения конфликтов или поиск технологий управления ими с обращением к опыту прошлого. Однако имитация институтов конфликто-разрешения («ручное управление») обеспечивает лишь внешнее спокойствие.

Для иллюстрации этого тезиса уместно привести некоторые социологические данные. Согласно многолетним замерам российских исследователей из независимого социологического института «Левада-Центр», доля респондентов, считающих, что в России невозможно честно заработать крупные суммы, всегда составляла 70–80%. Примерно половина опрошиваемых негативно относится к появлению «богатых людей» [3]. При этом 73% респондентов считают, что за последние десять лет увеличился разрыв между богатыми и бедными, а 52% полагают, что в руководстве страны больше воров и коррупции, чем в 1990-е годы [4].

Важно и то, что, на 30 российских олигархов работает 42% населения России, тогда как на федеральное правительство в тех же группах производства — только 15% [5, р. 136]. Согласно оценке П. Рутланда, примерно 20 частных компаний, контролируемых всего 37 бизнесменами, обеспечивают около трети российского ВВП [6, р. 1055]. По другим расчетам, в России 1% самых богатых людей получает 40% всех национальных доходов. Для сравнения: даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% доходов [7, с. 80].

Долю населения в структуре собственности современных российских корпораций эксперты даже затрудняются вычленивать, полагая ее близкой к статистической погрешности. Отметим, что в США этот показатель равен 36%, в Германии — 15%, в Швеции — 17%. При этом совокупная доля государства в «нефинансовых институтах» (включая менеджмент) приближается в России к 80%, а доля акций в структуре финансовых активов домашних хозяйств — лишь 7,6%. Ниже резуль-

тат только у Индии и Китая, но в российский показатель предположительно включены акции, находящиеся у менеджмента [8, с. 54].

Эксперты и аналитики часто говорят, что бизнес в России организован как конвертация финансовых ресурсов, полученных из бюджета, с последующим вложением в иностранные активы. Он занимает лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах (по некоторым оценкам, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12%).

В аналитическом докладе Института социологии РАН отмечается, что около 70% опрошенных считают, что цель трансформации состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в удовлетворении интересов как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности [9]. Доля тех, кто считает себя выигравшими от реформ, очень мала (всего 10%) и в два с половиной раза меньше, чем доля тех, кто считает себя проигравшими. Истинной целью реформ, как считают 69% опрошенных, были захват власти вторым эшелон советской номенклатуры и перераспределение общенародной собственности в его пользу. Таким образом, относительное большинство респондентов, отмечая расширение тех или иных возможностей, которые россияне обрели благодаря реформам и которые получили своё дальнейшее развитие в последние два десятилетия, вместе с тем подчеркивают, что эти возможности открылись не для всех, а лишь для узкого круга людей.

Отталкиваясь от признанного определения понятия «конфликт», данного У. Васмут [10, S. 180–181], можно говорить о наличии в современной России реальной ситуации постоянно воспроизводящегося социального конфликта, в который вовлечены индивиды, группы и государство. Указанные участники конфликта стремятся к изначально несовместимым целям или же к одной и той же цели, достижение которой возможно только для одной из сторон. Вдобавок некоторые участники намерены использовать несовместимые средства достижения определенной цели. В результате начинаются изменения на уровне повседневных практик, которые иллюстрируют данные, приводимые Я. Гилинским [11]. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 110 долларов в месяц; в нищете — 27,8% с доходом от 110 до 250 долларов; в бедности — 38,8%, чей доход составляет от 250 до 560 долларов. Среди бедных есть и свои богатые, это 10,9% россиян с доходом от 560 до 830 долларов. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 830 до 1700 долларов, а состоятельными являются граждане с доходом от 1700 до 2500 долларов, чья доля составляет 1,1%. Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных — 90,9%), 8,4% состоятельных и, очевидно, 0,7% богатых. Для сравнения: доход члена правления государственного монополиста «Газпром» составляет 193 000 долларов в месяц (без учета годовых и иных бонусов). Зарплата высших чиновников в России в 10,2–21,3 раза (для руководителей силовых институтов) превышает средний доход по стране, в то время как в Великобритании — лишь в 6,4, в Германии — в 7,1, в США — в 5,17, в Норвегии — в 3,7, во Франции — в 4,68 раза. Исследования показывают, что подобные разрывы между средними зарплатами подданных и их высокопоставленных правителей характерны для наиболее отсталых стран Африки и авторитарных режимов Латинской Америки [12, p. 180–181].

Таким образом, масштабы разрыва огромны и могут привести к конфликтному расколу. В этих условиях вряд ли приходится удивляться тому, что стратегические подходы и тактические приемы выбора технологий и инструментария урегулирования данного конфликта заключаются в фактическом уклонении от транспарентности механизмов извлечения доходов и их перераспределения, что делает власть менее уязвимой перед налоговым видом политического давления. Характерный пример: в России фактически существует регрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц, тогда как в подавляющем большинстве развитых стран давно применяется прогрессивная шкала налогообложения — через различные ставки налога на недвижимость и на наследство. Кроме того, в России беспрецедентно низок налог на дивиденды — 9%, при фактически 35-процентной «офшорности» активов [13, с. 432]. Иными словами, институциональный дизайн упрощается до изобретения налога на роскошь, который в этом фрагментированном формате лишь обостряет конфликт.

В классической работе М. Лунда подчеркивается, что наличие конфликта можно констатировать в том случае, когда стороны осознают несовместимость своих интересов, проявляют враждебное отношение друг к другу или преследуют свои интересы посредством таких действий, которые вредят остальным сторонам [14, р. 2]. Анализируя диалектическую теорию конфликта Карла Маркса, Дж. Тернер формулирует один из ее ключевых тезисов следующим образом: «Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы. Глубина осознания ущемленными группами своих интересов приводит к сомнению в законности и справедливости существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов. Чем больше подчиненные группы системы сознают свои интересы и их нарушение, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими группами системы» [15, с. 129].

При этом следует учитывать, что для современного российского социума характерны: дискретная структура; прерывность координации сотрудничества и конфликта; социокультурное, экзистенциальное и этническое отчуждение между верхами и низами общества. Ситуация напоминает послереволюционную советскую Россию, в которой, по словам историка В. П. Булдакова, «практически не осталось людей, живущих в гармонии со своим социальным окружением и давлением внешнего мира. Противоречия носили настолько сложный, системно-парализующий характер, что возник синдром “гордиева узла”, который проще разрубить, чем распутать» [16, с. 732]. Социальная энергия негативизируется до антагонистических конфликтов в сферах символических войн, в социальных сетях, в повседневном быту.

Можно предположить, что укрепление вертикали власти привело к установлению остроконфликтной формы распределения ресурсов между государственными корпорациями, министерствами, регионами и частным бизнесом, контролируемым членами правящей коалиции. Бизнес в России представляет собой конвертацию бюджетных ресурсов в государственные ресурсы, во властный статус, в должности в органах власти, в доступ к распределению других ресурсов, в участие в политическом управлении государством. В России сформировалась неформальная крупномасштабная система конвертации ресурсов разного типа. Конфликтное

взаимодействие обусловлено самой природой власти и бизнеса, и проблему представляет не столько наличие конфликта, сколько механизмы и социальные последствия его разрешения. Отсутствие механизмов управления конфликтами между бизнесом и государством порождает кризисную форму развития социума.

Причины возникновения, динамика и результаты конфликтов обуславливаются специфическими чертами политико-экономических систем. Можно сказать, что ключевые факторы, определяющие контуры конфликтного взаимодействия бизнеса и власти, являются не результатом чьего-то злого умысла, а порождаются особенностями институциональной среды и историческими особенностями, которые получили название логики «обусловленного развития» (*path dependence*) [17].

Это относится и к конфликтному взаимодействию между государством и бизнесом, которое характеризуется неравенством их властных потенциалов и приобретает различные формы под влиянием траекторий обусловленного развития, причем конфликт представляет собой своеобразную точку бифуркации, после прохождения которой развитие социальной системы может пойти по различным направлениям.

Поведение двух субъектов конфликта бизнеса и власти диктуется их интересами. Бизнес всегда нацелен на максимизацию прибыли, одним из условий чего является политическое влияние. Власть обладает преимуществами во взаимоотношениях с бизнесом и использует их наиболее эффективным образом, способствуя их дальнейшему укреплению. Если этот стратегический компонент отсутствует, то бизнес, скорее всего, просто удачлив, получая желаемое без дополнительных усилий. Наличие стратегического компонента в конфликте означает, что и бизнес и власть используют «структурные перекосы» и взаимно способствуют их воспроизводству, укрепляя свои позиции. Безусловно, в любом конфликте с властью бизнес предпочел бы максимизировать прибыль, но обычно вынужден минимизировать убытки, упущенные возможности, а не максимизировать удовлетворение своих интересов.

Следует учесть, что власть в конфликте, как правило, изменяет структуру выбора бизнеса с целью получения последним выгоды от подчинения. Эта выгода равна части потенциальной прибыли, которую бизнес смог бы получить, если бы в конфликте между ним и властью не было «структурных перекосов». Способность власти не оставить бизнесу в ходе конфликта иного выбора, кроме минимизации убытков, определяется, в частности, их взаимозависимостью. При этом степень уязвимости двух конфликтующих сторон различна. Имманентное стремление власти к доминированию и установлению правил для бизнеса или требований политической лояльности и социальной ответственности всегда наталкивалось на желание бизнеса защитить от притязаний власти хотя бы часть своего бытия.

Анализ исследовательских установок позволил выделить три основных аспекта моделирования взаимодействий бизнеса и власти: тип организационного дизайна бизнеса и степень институционализации его отношений с властью; способ и степень легитимации бизнеса в обществе; структура и балансировка отношений бизнеса, власти и социума. По данным признакам можно выделить следующие режимы функционирования конфликтных отношений бизнеса и власти: директивный, функциональный, коммуникативный.

При директивном типе функционирования конфликтных отношений власть принимает форму господства, обеспечивающего выполнение бизнесом приказов и директив. При этом властное сообщество должно располагать наличными сред-

ствами, ресурсами, позволяющими ему осуществить свою волю. Для директивного режима характерна аморфность бизнеса как политического субъекта, влияющего на выработку политического курса. Стратегическое управление собственностью осуществляется доминирующим актором в лице власти, а идеологическая легитимация «равноудаленности» бизнеса осуществляется через жесткое манипулятивное воздействие СМИ.

При функциональном режиме власть предстает как способность и умение реализовывать функцию общественного управления бизнесом как социально-политическим актором, вступающим в определенные отношения. При этом бизнес частично автономен, развита система «кормлений». В конкурентной борьбе между бизнес-акторами преобладают административные методы, права собственности размываются властными контролирующими институтами, а в механизмах перераспределения доминируют силовые ресурсы, опирающиеся на правовые нормы.

И наконец, коммуникативный режим подразумевает, что власть по отношению к бизнесу реализуется через общение, набор правил, понятных обеим сторонам. В коммуникативном формате бизнес-акторы независимы от власти и влияют на разработку политического курса через официальные механизмы лоббирования, взаимодействуя между собой по законам рыночной конкуренции. Права собственности четко определены и закреплены, а в процессах перераспределения доминируют экономические и юридические механизмы [18].

Если мы посмотрим на эволюцию российской модели конфликтов бизнеса и власти через эту концептуальную призму, то увидим, что постоянно предлагаются не новые принципы структурирования общества, а новые формы воплощения старых принципов: отсутствие единых правил игры для предпринимателей; избирательный характер правоприменительной практики по отношению к различным экономическим субъектам; неадекватная роль силовых структур в экономических конфликтах; высокая степень политического влияния на текущую деятельность предприятий; концентрация экономической власти в руках государственных корпораций.

Сразу же оговоримся: мы рассматриваем эволюцию конфликтов власти и предпринимательства в России через культурно-исторический срез различных сюжетов эволюции модели, называемой «институциональной ловушкой» (Д. Норт трактует *«lock in»* как однажды принятое решение, которое трудно изменить). Данный термин используется для характеристики механизма культурной инерции, посредством которого неэффективные нормы закрепляются и обретают устойчивость по отношению к различного рода воздействиям [19, с. 87–92].

В связи с этим интересна позиция одного из самых влиятельных и закрытых российских политиков Владислава Суркова: «Дело тут скорее в навыках, в представлении о жизни. Чем занималось поколение современных предпринимателей? Оно делило, участвовало в перераспределении как раз наследства СССР. Их поведенческий мотив прост — надо найти что-то и заполнить. Российский бизнес на сегодня не породил ни Фордов, ни Эдисонов, ни Биллов Гейтсов. Наш бизнес живет не за счет создания новых продуктов и технологий. Он все еще живет в значительной степени перераспределением и эксплуатацией не им созданной собственности. И это не его вина. Это специфика исторического момента» [20]. Справедливо указанные Владиславом Сурковым черты российского современного предпринимательства являются, перефразируя Бориса Пастернака, неповторимыми чертами России, особым

культурно-историческим типом (Н. Я. Данилевский), совершенно специфической генетической предрасположенностью государства российского устраивать «под себя» и экономику, и институциональный дизайн предпринимательства.

В знаменитой статье Д. Ландеса зафиксирован «враждебный к предпринимательству» тип культуры. Доказывая положение о том, что в истории экономики почти всё объясняется культурой, Ландес пишет: «Здесь показателен опыт России, где семьдесят пять лет антирыночной и антибуржуазной пропаганды насадили крайне враждебное отношение к частной инициативе. Даже сейчас, когда коммунистический режим рухнул, люди опасаются неопределенностей рынка и уповают на скуку государственного попечения. Они предпочитают равенство в бедности, присущее земледельческим культурам по всему миру» [21, с. 40].

Симптоматично (заметим об этом вскользь, так как проблематика этнического предпринимательства не является основным предметом нашего исследования), что Д. Ландес связывает рост деловой активности в посткоммунистической России в основном с предпринимательской «закваской» нерусских меньшинств (армян, грузин и т. д.), частично развивавшейся в теневой и даже криминальной сферах.

В самой общей форме наш основной тезис заключается в том, что при рассмотрении генезиса российской системы «бизнес — власть — социум» нельзя не столкнуться с множеством исторических и современных иллюстраций тезиса В. Г. Белинского, который 165 лет назад в письме Н. В. Гоголю характеризовал Россию как страну, «где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [22]. Посмотрим, как в свете этого тезиса выглядит проблема эволюции конфликтов между российским предпринимательством и государством.

Именно правительство инициировало развитие промышленности и торговли, создавая казенные и частные предприятия. Государство разрабатывало соответствующую правовую базу для развития предпринимательства. Предпосылкой вмешательства государства в экономическую сферу явились «служебно-домашний» характер российского государства, низкая платежеспособность населения, господство натурального хозяйства в деревне, отсутствие капиталов для организации крупных предприятий. Л. Н. Гумилев отмечает, что «всё русское государство представляет собой совокупность сословий, так или иначе связанных с государственной службой» [23, с. 189].

В этих условиях предпринимательство в России было изначально зависимо от государства. Возможность заниматься предпринимательством зависела от государственных чиновников, и предприниматель зачастую выступал как проситель. Эта структура отношений могла упрощаться или усложняться, содержательные властные влияния на предпринимательство могли комбинироваться в разной пропорции и в разной структурной аранжировке, практики «воспитания бизнеса» — быть более или менее разнообразными или рутинизированными. Но основные параметры модели, которую В. О. Ключевский назвал «казенно-парниковым воспитанием промышленности», оставались неизменными. Ее суть великий русский историк усматривал в сочетании государственного лелеяния льготами любимых частных компаний и постепенного удаления их от западноевропейских образцов свободного предпринимательства, переделки «на московский лад» [24, с. 823].

В отличие от отмеченной М. Вебером рациональности по цели, характерной для европейской ментальности, российской цивилизации присуща рациональность по ценности [25, с. 30]. В обществе, с одной стороны, существовала сильная традиция осуждения личного обогащения и «мещанства»; с другой стороны, практическая житейская сметка и умение добиться достатка всегда уважались в России. Однако ценности прагматизма и личной инициативы не стали, как это произошло в западной культуре, доминирующими и взаимодействовали с другими культурными ценностями, например ценностями государственного служения и социальной справедливости.

Характерным примером может служить то, что все меры правительства, принимаемые, в частности, в ответ на челобитные купцов 1627, 1635, 1637, 1639, 1642 гг. о торговле и конкуренции иностранных купцов, а также Большую челобитную 1646 г., подписанную 166 торговыми людьми, имели своей целью прежде всего умножение доходов государственной казны. Из-за этого элемент лоббирования в данном случае выступал сопутствующим фактором формирования государственной политики в отношении предпринимательства. Другая цель государственной политики состояла в объединении крупных и мелких торговых капиталов под эгидой первых для борьбы с иностранным купечеством, пресечения попыток иностранного торгового капитала захватить русский рынок. Следует отметить, что мелочная регламентация государством торговли не могла не сковывать ее развитие. В отличие от стран Западной Европы, в России частное предпринимательство было привязано к государственным программам, фактически был создан класс предпринимателей, зависимых от чиновников. Это привело и к определенному иждивенчеству отечественных предпринимателей, стремлению получить от государства различные льготы. Государство создавало тепличные условия для российских фабрикантов, предоставляя им беспроцентные ссуды, защищая их от конкуренции и передавая им государственные предприятия. Тем самым в какой-то степени был нарушен начальный процесс формирования русской буржуазии.

Прямое и косвенное вмешательство государства в деловую жизнь породило одну из негативных особенностей российского предпринимательства — стремление достигать экономического успеха не столько развитием производства, сколько получением выгодных правительственных заказов. Соперничество за их получение сопровождалось использованием нечестных приемов и обманом. Зависимость предпринимательства от властей способствовала расцвету взяточничества, подкупу чиновников. Так, в промышленных спекуляциях оказались замешаны А. Д. Меншиков, П. П. Шафиров, один из самых богатых русских купцов М. Г. Евреинов, крупный администратор петровской эпохи князь Г. И. Волконский, генерал-адмирал П. М. Апраксин, сибирский губернатор М. П. Гагарин. Справедливости ради надо заметить, что несправедно нажитые богатства как правило, приводили их приближенных к власти владельцев к печальным итогам: их имущество конфисковалось, а сами они строго наказывались.

Роль государства российского всегда выходила за рамки регулирования условий ведения предпринимательской деятельности. Главным всегда являлось регулирование доступа к дефицитным ресурсам. Системная задача превращения территориального и социального пространства в пространство власти, контролируемое и управляемое, требовала средств для реагирования на угрожающие российской

государственности события [26]. Отсюда — специфическая форма, определяемая В. П. Булдаковым как «государство-склад» [27, с. 355].

Этот концепт можно рассматривать как инструмент наблюдения и описания российского общества, как ресурсно-распределительную «линзу» российской политики, характеризующую неспособность населения самостоятельно распоряжаться ресурсами и отношение предпринимателей к власти не только как к кормушке, но и как к «большому Хозяину». Это единство власти и права Хозяина формирует некую «недособственность» даже у крупнейших российских предпринимателей. В. Розанов писал: «В России вся собственность выросла из “выпросил” или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» [28]. Известный российский журналист Владимир Соловьев по этому поводу удачно заметил: «Необходимо четко понимать, что стоимость бизнеса в России равна тому, сколько стоит этот бизнес отобрать: все списки “Форбса” — для идиотов» [29, с. 168]. Не случайно ни одна из известных купеческих династий XVIII в. не сохранила своего положения до начала XX в. [30, с. 42].

В данной системе координат всё определяют отношения «патрон-клиент», неформальные правила и законы важнее формальных, а разветвленные обширные сети знакомств, включающие как предпринимателей, так и политиков, пронизывают все формальные институты, являясь самыми влиятельными коллективными акторами. Показателен в этом отношении исторический пример П. И. Шувалова, двоюродного брата фаворита императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) И. И. Шувалова и родного брата всеильного главы Тайной канцелярии А. И. Шувалова. В 1748 г. «он взял на откуп сальный промысел, затем прибрал к рукам китоловный, тюлений и другие промыслы на севере. Став крупнейшим “монополистом”, он подорвал основу мелкого предпринимательства и промыслов на Севере и Каспии» [31, с. 189]. Современные российские исследователи отмечают: «Существование уже в XVIII в. таких явлений, как “семья” (в широком смысле слова) и близкие к этой “семье” “олигархи” (или, как говорили тогда, “временщики”, а то и просто, имея в виду Петра и Александра Шуваловых, “братья-разбойники”... существование “крупного бизнеса”, подобного шуваловскому (основанного на разворовывании государственной казны, коррупции чиновничьего аппарата, близости к любовникам, фрейлинам и чесальщицам ног императрицы), препятствовало развитию подлинного предпринимательства» [32, с. 26].

Случаи, о которых шла речь выше, демонстрируют, что основной доминантой хозяйственной стратегии и критерием успеха предпринимательства в России является поглощение чужой собственности, а не ее создание и эффективное управление ею. Для успешного ведения своего дела предприниматель в России должен в первую очередь уметь ладить с властью, налаживать контакты с чиновниками, а вовсе не разбираться в стратегическом маркетинге или менеджменте. На эту особенность указывал и С. Ю. Витте, отмечавший, что предпринимательство в стране всегда находилось «в значительной зависимости от многочисленных местных властей, начиная от урядника и восходя до генерал-губернатора, и эти местные влияния могут быть полезны и благотворны только тогда, когда все органы власти проникнуты убеждением, что развитие промышленности есть благо с государственной и народно-хозяйственной точки зрения» [33, с. 139].

Предприниматель, контролирующий значительные материальные и финансовые ресурсы, осознает, что будущее его бизнеса напрямую зависит от хороших отношений с действующей властью и что он не может бросить вызов системе, не рискуя быть изгнанными из страны и лишиться своего богатства. Между тем демократия, по Ч. Тилли, основывается на накопленном ресурсе капитала, позволяющем осмысленно сопротивляться машине государственного принуждения с целью расширения возможностей стратегического развития страны как нации [34]. Описанное положение отечественного бизнеса существенно замедляет развитие общества, поскольку его политическая значимость определяется не продуктивностью или образцовостью его достижений, не участием в репрезентации ценностей социума, а аффилированностью с той или иной группой чиновников.

Понятно, что архаичная форма управления — институт кормлений определяет инновационную неавантюристичность предпринимательства в России, так как для социально-управленческой архаики инновации могут оказаться разрушительными, а для предпринимателя — стать толчком к скатыванию вниз. М. Горький приводит потрясающие по своему эвристическому потенциалу слова Саввы Морозова: «Наш промышленник — слепой человек. Его ослепляет неисчислимое богатство страны сырьём и рабочими руками... Богатый русский глупее, чем вообще богатый человек» [35].

Таким образом, в дореволюционной России тесная связь предпринимательства с государством привела к неоднозначным последствиям. Она способствовала развитию предпринимательства и его правовой базы и в то же время породила бюрократизацию предпринимательства и коррупцию среди чиновников. При этом чрезмерная концентрация власти и богатства, наблюдавшаяся в определенные периоды российской истории, препятствовала формированию самосознания предпринимательского сословия в целом. Правительство ограничивало инициативу предпринимателей, зачастую видя в частном секторе угрозу собственной власти. В этом проявились как укорененные в прошлом традиции хозяйствования, так и негибкость мышления политической элиты страны. В результате торгово-промышленное сословие не имело того удельного веса в обществе, которое оно могло бы иметь благодаря своей активной роли в хозяйственной жизни.

В блестящей работе В.В. Радаева, представившего социологический взгляд на историю дореволюционного российского предпринимательства, убедительно показано, что тремя традиционными столпами мирозерцания российских торгово-промышленных слоев являлись «твердая православная вера, преданность семейному делу и безоговорочная поддержка престола» [36, с. 167].

Политическое доминирование власти над предпринимательством в России определяется не только задачей перераспределения собственности, но и вмешательством государственного аппарата в непосредственное распоряжение и управление собственностью, в ходе которого «ресурсы наиболее ушлых людей превращаются из товаров и денег в ресурсы других людей. Перераспределение мотивируется тем, что у новых собственников ресурсов более государственноческое мышление, чем у прежних» [37, с. 42].

Если это признать, то несколько иное звучание приобретает сенсационное интервью, вскоре после которого покинул свой пост председатель Центрального банка России Сергей Игнатьев. Он утверждает, что только в 2012 г. из России на зарубеж-

ные счета незаконно переведено 49 млрд долларов, что составляет 2,5% ВВП. При этом он заявляет, что это могут быть «оплата поставок наркотиков, серого импорта, взятки и откаты чиновникам, менеджерам, осуществляющим закупки в крупных частных компаниях, схемы по уклонению от уплаты налогов» [38]. Чистый отток капитала в 2012 г. составил 56,8 млрд долларов, «сомнительные операции» — 35,1 млрд долларов. Таким образом, до 60% утекших из России денег вывезено незаконно. В результате подобных операций бюджетная система, по оценке С. Игнатьева, недополучила порядка 450 млрд руб., а с учетом внутренних незаконных операций (через фирмы-однодневки) — более 600 млрд руб. Эта сумма сопоставима с объемом всех федеральных расходов на образование или здравоохранение в 2012 г. (604 млрд руб. и 614 млрд руб. соответственно).

Большее половины сомнительных операций проводится фирмами, прямо или косвенно связанными друг с другом платежными отношениями, все они контролируются одной хорошо организованной группой лиц [39]. При этом обращения в правоохранительные органы по поводу фиктивных операций в российской экономике неэффективны и не приносят результатов.

Вывоз капитала осуществляется предпринимателями, в частности, в целях защиты и спасения прибыли. Существенное снижение объема инвестиций влечет за собой негативные социальные последствия, снижает поддержку режима, подрывает легитимность политической элиты. Сужение налогооблагаемой базы приводит к сокращению материальных и политических возможностей государства, отказу от реализации им своих социальных обязательств. Всё это неблагоприятно скажется на положении значительных групп населения и усилит недовольство режимом, обострит политические конфликты.

Так, согласно недавно проведенному исследованию, в 80% уголовных дел, доведенных до суда, фигурируют безработные [40]. Из них каждый третий получает реальный срок и отправляется в тюрьму. К государственному служащим российские судьи, напротив, снисходительны и приговаривают к реальному отбытию наказаний лишь 11,8% от всех осужденных чиновников. Автор исследования, один из самых известных современных российских социологов Вадим Волков, пришел к выводу о том, что в российских судах четко выражены статусные уклоны, а в сфере криминальной юстиции отражается конфликт между бюрократией и предпринимателями. Криминальная юстиция в России работает прежде всего против маргинальных элементов и представителей бизнеса. 32,8% представших перед судом безработных лишаются свободы, в то время как для госслужащих этот показатель составляет 11,8%, для топ-менеджеров — 13,8%. Лица, имеющие отношение к государству, получают устойчивые привилегии в судах. Шансы на оправдание по всем статьям у работников правоохранительных органов на 18% выше, чем у маргиналов, а по тяжким преступлениям — на 5% выше. Средний срок наказания для госслужащих — 4 года, тогда как для предпринимателей 4,7 года, для топ-менеджеров — 4,6 года. При этом реальный срок госслужащие получают в два раза реже, чем все остальные подсудимые вместе взятые. Представители высокостатусной группы предпринимателей обычно обвиняются по статье «Мошенничество», дискриминируются и получают в среднем на три-четыре месяца больше, чем представители других социальных групп за то же самое преступление.

Утрата бизнесом политического влияния оборачивается не только лишением доступа к распределяемым ресурсам, но и потерей собственности, а иногда и свободы. Реальные элитные фракции не институционализированы. Попытки бизнеса институционализировать собственное влияние могут быть опасны. В конфликтах действует правило «не переходить границы интересов друг друга»: власть не вторгается в источники происхождения капиталов частного бизнеса, а владельцы корпораций не должны ставить вопрос о тайнах бизнеса государства. При этом легитимно ставить вопрос о коррупции может лишь верховная власть [41]. Ю. Пивоваров отмечает: «По словам президента, государство является одним из участников “рыночной игры”. То есть налицо редукция и возможностей Власти, и ее сути. Она вынуждена признать существование иных социальных субъектов. Оправдывая неджентельменское поведение государства в истории с “ЮКОСом”, он подчеркнул: когда-то так действовали нынешние олигархи, теперь “мы” так действуем. В этом откровенном признании констатируется готовность власти функционировать за пределами “дозволенного”» [42, с. 84–85].

Американский политолог Ч. Тилли, анализируя историю становления демократических государств, предложил модель, в которой последовательное усиление государства как нации проходит с использованием двух ресурсов власти: «ресурса принуждения» — власти собственно государственной машины и «ресурса демократии» — власти капитала. Демократизация (т. е. широкие, равноправные взаимобязывающие процедуры обсуждения; подчинение государства публичной политике; увеличение влияния населения на публичную политику), по Ч. Тилли, «зависит от основных ресурсов, на которых строится экономика режима» [34, с. 71].

В такой системе координат капитал и демократия — это не антагонисты, а элементы, замещающие тотальную власть в интересах осуществления целей развития. Принципиальной для нашего анализа является следующая мысль Ч. Тили: «Там, где правители сами осуществляют контроль над производством и/или распределением ресурсов, потребляемых государством либо пользующихся спросом на внешнем рынке — не только нефть и алмазы, но также рабы, специи и прочие товары массового потребления, — они, как правило, не вступают в переговоры с гражданами, тем самым блокируя пути демократизации» [34, с. 239–240].

Литература

1. Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
2. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: ИД «Территория будущего», 2009. 320 с.
3. Россияне о миллионерах // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 28.05.2013. URL: <http://www.levada.ru/28-05-2013/rossiyane-o-millionerakh> (дата обращения: 01.06.2013).
4. Шевицова Л. Россия: логика упадка // Новая газета. 2011. 14 ноября.
5. Guriev S., Rachinsky A. The role of oligarchs in Russian capitalism // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19, No 1. P. 131–150.
6. Rutland P. Putin's Economic Record: Is the Oil Boom Sustainable? // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, No 6. P. 1051–1072.
7. Шкаратан О. И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах // Мир России: Социология, этнология. 2011. № 4. С. 68–88.
8. Рубцов Б. Современные фондовые рынки. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 926 с.
9. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (дата обращения: 01.03.2012).

10. *Wasmuth U.* Friedensforschung als Konfliktforschung. Zur Notwendigkeit einer Ruckbesinnung auf den Konflikt als zentrale Kategorie // *Friedens- und Konfliktforschung* / hrsg. von P.Imbusch, R. Zoll. Opladen: Leske u. Budrich, 1996. S.175–187.
11. *Гилинский Я.И.* Исключенные навсегда. Российское будущее: тревоги, о которых нельзя промолчать // *Независимая газета*. 2011. 18 мая.
12. *Peters B.G.* Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration. New York: Routledge, 2009. 400 p.
13. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
14. *Lund M.S.* Preventing and Mitigating Violent Conflicts: A Revised Guide for Practitioners. Washington, D.C.: Creative Associates International, 1997. 357 p.
15. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. 472 с.
16. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
17. *Berger S.* Regime and Interest Representation // *Berger S.(ed.). Organizing Interests in Western Europe.* Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P.83–101.
18. *Алейников А.В.* Институциональные аспекты управления взаимодействием государства и бизнеса в российской социально-экономической системе // *Бизнес, менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал*. 2011. № 1 (23). С. 61–65.
19. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
20. *Чудодеев А.* Обновляйтесь, господа! // *Итоги*. № 44 (698). URL: <http://www.itogi.ru/russia/2009/44/145418.html> (дата обращения: 12.09.2013).
21. *Ландес Д.* Культура объясняет почти все // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
22. *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В.Гоголю от 15 июля 1847 г. // *Русская литература и фольклор: [сайт]*. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 03.02.2012).
23. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М: АСТ МОСКВА, 2008. 420 с.
24. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Альфа-Книга, 2011. 1197 с.
25. *Помпеев Ю.А.* История и философия отечественного предпринимательства. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 272 с.
26. *Осинов И.Д.* Власть и предпринимательство в России: историко-культурный аспект взаимоотношений // GR-связи с государством. Теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. М.: РОССПЭН, 2012. 407 с.
27. *Труды по руссиеведению.* М.: ИНИОН РАН, 2009. 466 с.
28. *Розанов В.В.* Уединенное // Библиотека русской религиозной философской и художественной литературы «Веги»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov> (дата обращения: 04.12.2012).
29. *Соловьев В.Р.* Путин. Путеводитель для неравнодушных. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
30. *Петров Ю.* Предприниматели и российское общество в начале XX века // *Свободная мысль*. 1992. № 17. С. 41–49.
31. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
32. *Лукин А.В., Лукин П.В.* Экономическая политика в постсоветской России и российская история // *Полис*. 2011. № 4. С. 20–40.
33. *Витте С.Ю.* О положении нашей промышленности. Всеподданнейший доклад министра финансов // *Историк-марксист*. 1935. № 2–3. С. 130–139.
34. *Тилли Ч.* Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. 264 с.
35. *Горький М.* Савва Морозов // *Максим Горький: [сайт]*. URL: <http://www.m-g-p.ru/index420f.html> (дата обращения: 04.12.2012).
36. *Радаев В.В.* Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // *Мир России*. 1995. № 4. С. 159–181.
37. *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
38. *Игнатев С.* Интервью председателя банка России // *Ведомости*. 2013. № 28. URL: http://www.cbr.ru/pw.aspx?file=/press/press_centre/Ignatiev_20022013.htm (дата обращения: 20.02.2013).
39. *Платонова О.* Интервью — Сергей Игнатев, председатель банка России // *Ведомости*. 2013. № 28. URL: http://www.vedomosti.ru/library/news/9291871/11_organizacij_ne_platyat_nalogov_sergej_ignatev_predsedatel?full_cut (дата обращения: 20.02.2013).

40. *Volkov V.* Socioeconomic Status and Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. The European University at St. Petersburg. The Institute for the Rule of Law. Working paper. IRL-01/2014. 32 p.

41. *Белковский С.* Чиновники-бизнесмены // Forbes. 2010. No 79. URL: <http://www.forbes.ru/svoibiznes/58524-chinovniki-biznesmeny> (дата обращения: 23.09.2013).

42. *Пивоваров Я. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 168 с.

Статья поступила в редакцию 16 июня 2014 г.